

*Бывает, что птицы высоко летят,
Но выше небес им лететь не дано.
А сердце людское желаний полно –
Где ставит пределы желаньям оно?*

КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ II, VII, X¹

¹ Шицзин / пер. с кит. А.А. Штукина. М., 1957. *Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.*

Одно солнце заходит, восходит другое.

Было их десять братьев-солнц, десять трехлапых воронов. Их мать — богиня Сихэ, их дом — древо Фусан, их жизнь — небосвод. Восходили они на небо по очереди, и был покой и порядок в мире, пока однажды младший ворон не уговорил братьев померяться силами — кто быстрее взойдет к небесам. Ринулись все десять воронов, и десять солнц разом вспыхнули над Землею. Не знал мир смертных бедствия страшнее. Слепли люди, загорались посевы, таял мир восковой рекою. Тогда взял Хоу И лук и выстрелил в небо. Девять стрел выпустил герой — девять воронов пали на Землю. Их золотые перья чернели, пеплом покрывая мир смертных. Лишь один из братьев остался на небосводе — одно солнце на одном небе. Ужас обуял сердце их матери Сихэ, не желала она терять своих детей. Укрыла она павших с небес в Земле, выбрала одного среди смертных и явила ему меч Трехлапого Ворона, чтобы стал он хранителем священных поверженных птиц. Но на все есть глаза. Плотню Небеса обволакивают Землю. Дабы не нарушилось равновесие, Небесный правитель даровал миру Белоснежный Лотос, сила которого равнялась той, что таили жаждущие мести птицы. Один божественный лепесток вложил Правитель в меч Белого Лотоса и отдал его слепому монаху. С тех пор не было врагов заклятее, чем Учение Белого Лотоса и Учение Трехлапого Ворона. Десятки тысяч десятков тысяч раз входило над Землей единственное солнце, Хоу И давно дышал чернилами древних сказаний, а легенда о запечатанной силе Девяти Воронов все еще палила сердца земных героев.

* * *

— Сразись со мной!

Она вышла вперед.

Она знала, окружающие их воины не верят своим глазам. Они видят лишь наряд младшего ученика и тупой меч, годный только для показательных боев. Она знала, что ветер шепчет: «Безумие». Да, она была безумна, оставалось только верить, что судьба позволит увидеть его глаза в сверкающей схватке.

— Сразись со мной!

То, что он появился сегодня здесь, уже казалось милосердием судьбы. Его белые одеяния спокойно струились по ветру. Непроницаемое лицо, слишком бледное, взгляд коршуна. Он. Это был он. Бай Син. Глава Белого Лотоса, лучший боец в Поднебесной. Так говорили, слишком много, часто, громко, не давая ей ни на секунду забыть о его существовании. Куда бы она ни пошла, его имя змеилось едким дымом. Помни, помни!

— Как ты смеешь!

Чужие голоса. Она не слышала их.

— Простите, Глава, я не знаю, как она оказалась здесь.

Она не слушала. Она шла вперед.

— Сразись со мной!

Ей нужен был только он. Она смотрела прямо в глаза. За одно это его адепты могли разорвать ее, стоило ему поднять руку. Еле заметно, так что и широкие рукава его одеяния не шелохнулись бы. Миг, и ее бы не стало. И ни одной капли не расцвело бы кровавым лотосом на его безмятежности.

— Ты имеешь право сражаться со мной?

Ветер поднял с сухой земли пыль, и небо зажмурило глаза. Но она не могла. Больше не могла.

— Кто ты?

— Мое имя Гао Фэнь.

— Если не отразишь три моих удара, больше никогда не ступишь на землю Учения.

Три удара.

Она сжала рукоятку меча, не отрываясь от его глаз.

Она готовилась к этому долго. Дольше, чем он мог представить. Дольше, чем он мог подумать. Она хотела одного — увидеть блеск меча Белого Лотоса. Вспомнить его пронзающий звук, как обещание, что в этом мире все еще есть другой — меч Трехлапого Ворона, спящий, усмирный, ждущий. Ее.

Шаг, внезапная атака. Он был слишком быстр, слишком легок. Она с трудом увернулась и отразила удар. Ее отбросило, но она устояла.

Вдох, закрыть глаза. Только слушать. Ее меч закружился, превращаясь в тонкий стебель над головой. Прыжок, удар — три шага. Он отразил, и тут же она увернулась от его стремительной атаки. Три шага, вниз, лишь края одежд коснулось острие ее меча. Она открыла глаза. Только он один мог так двигаться, обманывая даже ветер. Бай Син, слухи о нем не лгали. Он смотрел на нее теми же холодными глазами, не пробраться, не коснуться. Ей оставалось лишь одно — улыбка. Они все не переносили радости на ее лице. Шаг к нему, она спрятала меч и закружила вихрем Сводящих Шагов. Никто до него не мог просчитать ее движений, техника Танца Смерти. На одиннадцатый шаг острие меча должно было вонзиться в него, но коснулось лишь ткани рукава. Но это была победа — меч Лотоса холодным вихрем отбил ее

атаку. Уворачиваясь, она почувствовала, как его ледяное дыхание серебрит волосы.

Третий удар был отражен.

Она закурила, мечом поднимая между ними завесу пыли. Шаг, еще один, он не должен был заметить ее, но раньше, чем она успела обмануть, меч Лотоса замер у шеи.

Всего три.

Ее рука устало опустилась, меч коснулся земли. Всего три. Достаточно, и все-таки горечь обожгла легкие.

— Принята.

Одно движение, и меч Лотоса исчез. Ни слова больше, она видела лишь его спину. Он уходил. Прочь. Все тот же. Только его поступь стала еще грациозней.

— Гао Фэнь признает тебя своим Главой!

Она рухнула на колени и поклонилась.

Не смотри, не смотри. Ветер подсказал ей, что его одеяния замерли, но он не обернулся.

Ни слова больше. Только лес тихо покачал головой.

Она рассчитала верно, он не узнал ее. Да и она бы не узнала его. И хорошо, хорошо. Она сделала это. Можно было подниматься, можно было идти. Двери Учения Лотоса были открыты, и он даже не узнал ее.

Бай Син, я вернулась.

Было сложно поверить, что они когда-то знали друг друга, что его меч так легко остановился в одном дыхании от ее шеи. Так сложно поверить, что когда-то она стала его женой.

Бай Син, я вернулась.

Бай Син, У Минчжу вернулась.

ПРОЛОГ ГОРЬКОЕ ВИНО

*Для меня ты — как солнце,
Ужели же время заката?¹*

Ли Бо

1.

Большее всего я любила османтусовое печенье¹ тетушки Цзюань. Она готовила его каждый раз, когда мы с отцом приезжали во Дворец Безмятежности. Она ласково подзывала меня к себе и вручала сладости:

— Ешь, Чжу-эр², не грусти, эти взрослые вечно заняты!

Тетушка Цзюань была права. Они всегда были заняты. Папа и дядя Бай Фэн. Я могла только ждать, пока кончатся их беседы и они наконец вспомнят обо мне. Папа был самым красивым мужчиной, каким только любовалось небо. Высокий, статный, в черных золоченных одеяниях с вышитым Вороном — глава целого Учения. Он редко баловал меня во Дворце Золотого Крыла, но, когда мы приезжали к дяде Бай Фэну, он гладил меня по волосам и разрешал играть на его коленях,

¹ Традиционный китайский десерт из клейкой рисовой муки, меда, душистого османтуса и сахарной пудры. — *Прим. ред.*

² 儿 (эр) — суффикс в китайском языке, имеющий уменьшительно-ласкательный оттенок. Употребляется старшими при обращении к младшим (часто детям), а также между друзьями, родственниками, влюбленными для выражения любви и нежности.

пока не приходила заботливая тетя Цзюань и не уводила меня к другим детям.

Мне было шесть лет, но я до сих пор помню дворик позади пруда, где мы ловили лягушек с черноглазым Бай Сином и молчаливым Ду Хувэем. Вернее, лягушек ловила я, а сын дяди Бай Фэна сидел на неудобном стуле и старательно переписывал очередной трактат, смущая небеса своей каллиграфией. Он был слишком хорош. Во всем. В том, как он ходил: прямая спина, ни пятнышка на подоле его одежды; в том, как он смотрел: прямо, не склоняя головы; в том, как он говорил: никогда не повышая тона. Он был старше меня на четыре года, но тогда мне казалось, что он просто родился таким занудой. Я отыскивала несчастных лягушек, кузнечиков, жуков и подкрадывалась к нему со спины. Маленькая, неповоротливая, он слышал каждое мое движение, но никогда не уворачивался. Перепуганные насекомые грязной кляксой поражали его идеальные иероглифы, но он ни разу не вскрикнул, он даже не повернул головы. Только спокойный голос:

— Чжу-эр, ты зря портишь бумагу.

И осторожное движение рукой — он стряхивал насекомых на землю, стараясь не запачкать одежду.

Зря, зря, зря! С ним все было зря. Он никогда не играл со мной. Даже когда я приносила ему османтусовое печенье, он лишь качал головой, не отрываясь от своих книг. Мое любимое, самое вкусное, что было во дворце, я была готова отдать ему, а он будто не замечал. В те минуты мне хотелось вырвать его книгу и убежать, чтобы он наконец-то вскочил и крикнул что-то вслед, но все было напрасно.

Позже, вспоминая те дни, я поняла, что и трех слов не сказала ему за все детство. Только он, только своим холодным тоном:

— Чжу-эр, садись рядом и читай.

Как будто я была совсем как он. Я и была в каком-то смысле. Он наследник Учения Белого Лотоса, я наследница Учения Трехлапного Ворона. Наши отцы были лучшими воинами Поднебесной, чья дружба на десятилетия подарила миру спокойствие и процветание. Мы должны были стать залогом долгого мира. Этот бледный юноша, в чьих руках кисть порхала изящней бабочки, и я, злобно смотрящая на него и убегающая к тетушке Цзюань.

Никто не знал о моих проказах. Бай Син никогда бы унизил себя такими разговорами, а Ду Хувэй был ничем не лучше его. Высокий, худой, с нервно подрагивающей рукой, он всегда был рядом с Бай Сином, и только иногда, когда он смотрел на мои отчаянные попытки привлечь внимание, уголки его губ подрагивали. Тогда я злилась на него еще сильнее. И убегала быстрее.

Ду Хувэй хоть и был на год старше молодого господина, никогда не выказывал своего старшинства. Он был лишь племянником Главы Лотоса, а Бай Син — будущим Главой. Я не знала, чем уж Вэй-гэ¹ так не подходил на роль наследника, по мне он был точной копией Бай Сина — такой же противный. Вслед за молодым господином он часами упражнялся в каллиграфии, читал скучные трактаты и совсем не замечал меня.

Если подумать, я и не знаю, почему так любила приезжать с отцом во Дворец Безмятежности. Кроме сла-

¹ 哥 (гэ) — «старший брат»; обращение к человеку, который немного старше по возрасту.

достей и никому не интересных насекомых меня ждали там только скучные наставления.

Отец обсуждал с дядей Бай Фэном дела Учений и свои провинции. Иногда я слышала, как они спорят, молчат, потом снова спорят, смеются, а потом всегда какой-нибудь взрослый тянул меня за руку и уводил к молодым господам. Тогда Бай Син отрывался от своих книг и усаживал меня за стол.

— Дядя Чжичэн сказал, что ты восхитительно держишь кисть.

«Восхитительно» было не про меня и уж точно не про мою каллиграфию. Бай Син просто смеялся надо мной своими непроницаемыми холодными глазами и вручал кисть.

От его пристального взгляда моя рука начинала подрагивать, и в такт ей на листе пританцовывали кляксы. Я испортила немало бумаги во Дворце Безмятежности.

И все-таки я так и не забыла дни, проведенные там.

Когда мне исполнилось двенадцать, я приехала на Гору Лотоса в предпоследний раз.

Молодой господин теперь все время был занят — то тренировками, то делами Учения — и почти не показывался гостям. Дядя Бай Фэн редко хвалил его, но я чувствовала, как он гордится сыном. Я больше не искала лягушек и кузнечиков, а важно ходила за тетушкой Цюань и выпрашивала советы. Мама готовилась родить, а я готовилась стать ей помощницей.

И даже отец с дядей Бай Фэном уже не были прежними. Они чаще спорили, и в ту ночь я не слышала смеха из Зала Белых Звезд, только напряженные голоса.

Небо над нами тихо искрилось чистым озером. Я чувствовала: оно обманывает. Я хотела сбежать. Единствен-

ное спасение — кухня, где можно было найти печенье. Но в тот раз все было по-другому. Не было ни крошки. А еще и служанки чуть не застали меня на месте преступления. Бродит по ночам и мышкой шарит по кухне — чем не повод несколько месяцев перемывать косточки молодой дочери Главы У? Я не могла позволить тому дню закончиться так плохо, поэтому он закончился еще хуже. Я спряталась между высокими корзинами, надеясь переждать и улизнуть, когда кухня вновь опустеет.

— Все вернется на круги своя! — кричала старая служанка. — Как зверя ни ряди, а все равно руку откусит!

— Говорят, этот Ворон все повесит на нашего хозяина хочет! — Другая села и принялась чистить побеги бамбука.

Этот Ворон. Мой отец.

— А я и не верила, что это долго будет длиться. Верно говорили Страж Вэнь и Почтенный Лоу: нечего Учению Белого Лотоса водиться с этими треклятыми воронами. Били их всегда за то, что перьями своими мир в крови утопить хотели, били их, говорю тебе, мечом угощали, не чаем! И теперь их бить надо. Слышала, всю деревню вырезали ради какого-то жалкого пороха. А в провинции что творят? Уже с сотню жалоб прилетело голубями. Все у нашего Главы защиту просят.

В углу было холодно, мне хотелось свернуться клубком и исчезнуть. Я не знала, о чем они говорят. Только их голоса змеились горькой чернотой злобы. Лишь позже, гораздо позже я поняла, что произошло и почему наши отцы спорили до рассвета.

Только позже я узнала, что Учения Лотоса и Ворона были врагами с самого их основания, и я никогда бы не держала за руку тетюшку Цзюань, не ловила бы куз-

нечиков за Прудом Лунной Зари, если бы тридцать лет назад юные бойцы У Чжичэн и Бай Фэн не встретились в странствиях и не стали бы названными братьями. Они уладили вражду и пытались выкорчевать ненависть из людских сердец. Два крупнейших Учения заключили мир и вместе оберегали Поднебесную. Но сердца людей крепче камня и мягче монеты.

— У него жена дитя носит, а он землю кровью чужих детей орошает! Верно говорили старики, беда будет, раз не один, а сразу два ворона родились в тот год!

— Если недовольна чем, уходи!

Никогда до этого я не видела тетушку Цзюань такой рассерженной. Служанки бросились в ноги, а она пригрозила им укоротить языки. Только когда они ушли, я еще долго не могла выбраться из угла черной кухни. Мне так хотелось домой, мне так хотелось, чтобы наконец пришел рассвет и отец нашел меня. Но никто не искал. Я знала. Нужно было самой вырваться из плена темноты и ядовитых голосов.

Рассвет пришел, и мы с отцом уехали. Я прижималась к нему, надеясь, что все закончится, как только мы окажемся дома. Я помню, он погладил меня по голове, но так ничего и не сказал. Еще долго он снился мне таким: нежным, молчаливым и совсем потерянным.